

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ИНСТИТУТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

А.Р. Зенков

Зенков Алексей Рудольфович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Россия.
E-mail: zenkov@imemo.ru. ORCID 0000-0002-7622-5164

Аннотация. В статье автор, размышляя о направлениях и характере современных социальных трансформаций, обращает внимание на нарастание проблем социального порядка и необходимость поиска инструментов их разрешения. В этой связи оправданным представляется обращение к рассмотрению потенциала институтов гражданского общества, которые, по мнению автора, могут стать полноправными субъектами социальной политики, имеют необходимые возможности для решения многих насущных социальных проблем, являются перспективным ресурсом социально-политической стабилизации современного общества. Ракурсом исследования становится изучение практик социальной работы религиозных организаций как институтов гражданского общества на примере Русской православной церкви. Обоснованность подхода объясняется возможностью церкви заполнить те ниши социального пространства, где участие государства и (или) других институтов гражданского общества не в полной мере обеспечивает достижения желаемых социальных результатов.

При исследовании феномена «гражданского общества» обнаружена его сложность и многогранность, изучены условия и факторы укрепления партнерских отношений между государством и церковью в современной России. Делается заключение об определенной переориентации РПЦ с парадигмы взаимодействия «церковь-государство» (с сохранением и умножением практик институционального взаимодействия) на парадигму «церковь — общество» (с развитием практик функционального взаимодействия, реализации социальных или гражданских функций церкви), что доказывается в результате анализа деятельности Русской православной церкви в социальной сфере.

В заключении автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего осмысления места и роли религиозных организаций в процессе социальных трансформаций современного общества, нахождения более широких возможностей их участия в поисках ответов на актуальные социальные вызовы. Делается вывод о востребованности институтов церкви в социальной сфере, их значимости, как для развития российского гражданского общества, так и для сохранения российской национальной идентичности и укрепления социального мира.

Ключевые слова: гражданское общество, церковь, власть, социально-политические трансформации, социальное служение

Гражданское общество и власть: в поисках точек соприкосновения

Растущая конфликтность, углубление неравенства, кризис традиционных ценностей стремительно меняют общество. Взаимно усиливая друг друга, эти процессы ведут к фрагментации сложившегося социального пространства, делают картину мира современного человека крайне дробной и неустойчивой. В этих условиях людям становится все труднее найти поддержку и помощь в разрешении насущных социальных проблем, выстраивать для этих целей связи взаимодействия с различными группами и сообществами (Садовая, Сауткина, 2017). Очевидной в складывающихся обстоятельствах становится потребность в расширении круга субъектов социальной политики, в том числе таких ключевых, какими являются институты гражданского общества.

Говоря о концепте гражданского общества нельзя не обратить внимания на его многомерность. Среди специалистов до сих пор не сложилось конвенционального

понимания данного феномена. Гражданское общество определяется и как специфическая часть социума, отличная от государства, и как общество, характеризующееся наличием рыночных отношений и демократического типа государственной власти, и как особая часть негосударственных общественных отношений, где в качестве ключевых акторов выступают некоммерческие (НКО) и неправительственные организации (см. Иванова, 2000; Зигерт, 2005).

Исследователями доказывается, что наряду с различными неполитическими институтами к числу НКО могут быть отнесены религиозные организации (Ситников, 2011; Чернега, 2018, Clarke, 2006). Обоснованность такого подхода применительно к российской специфике определяется, с одной стороны, культурно-историческим контекстом становления государства, с другой — качественными изменениями современной социально-политической реальности: переосмыслением роли религии в мире и религиозного фактора в моделях общественного развития (см. Norris, Inglehart, 2004, Herbert, 2003), политизацией религии и конфессионализацией политики, актуализацией религиозной идентичности как культурно-цивилизационной характеристики (Мчедлова, 2010).

Так, в советское время взаимодействие между обществом и государством обеспечивалось мощным административным ресурсом власти, монолитной идеологической основой, практически полностью вытеснившей религиозные организации из публичного пространства. Политико-экономические преобразования 90-х годов привели в России не только к демонтажу идеологических ограничений и возврату религии в общественное пространство, но и серьезным социальным потрясениям: росту недоверия граждан государственным и негосударственным институтам, «девальвации» накопленного социального капитала, крушению норм морали и межличностных отношений. Социологические опросы населения свидетельствуют о невысокой социальной активности граждан (к участию в работе общественных организаций готовы 30%, волонтерской деятельности — 24%, а их финансовой поддержке — только 8%¹), фактическом превосходстве частных интересов граждан над общественными².

Включение религиозной компоненты в поле исследований гражданского общества представляется нам ценным в связи с возможностью религиозных институтов заполнить те ниши социального пространства, в которых участие государства и других институтов гражданского общества недостаточно для достижения желаемых социальных эффектов. Во всяком случае, такая перспектива всерьез рассматривается исследователями (Crisp, 2014, Snaan et al., 2016). Безусловно, сформулированная постановка вопроса и её реализация требует общественной консолидации, поиска новых форм солидарности (Cladis, 2017). Примечательно, что традиционными для России религиозными организациями эти вопросы уже не только осмыслены (Мчедлова, 2012), но и решаются по мере вовлечения граждан в проводимую ими социальную работу.

Принимая во внимание историческую роль православия для российской государственности, изучить деятельность религиозных организаций как институтов граж-

¹ Гражданская активность (2019, февраль 13). Левада-центр. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/02/13/grazhdanskaya-aktivnost/>

² Почти половина россиян ставят свои права выше интересов государства – «Левада» (2017, апрель 03). Ведомости. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/04/03/683803-prava-vishe-interesov-gosudarstva-esli-protivorechit-gosudarstva>

данского общества представляется возможным на примере Русской православной церкви Московского патриархата. В последние десятилетия участие РПЦ в жизни российского общества стало существенно более заметным, религиозный институт дает не только оценку происходящим в стране событиям, но и предпринимает усилия для укрепления государственно-религиозных отношений, выступает с собственными инициативами по широкому спектру общественно значимых вопросов.

Русская православная церковь как институт гражданского общества

Традиционные для нашей страны религиозные институты обладают широкими социальными связями и значительными ресурсами власти в системе гражданского общества. Их сохранность и воспроизводство обеспечиваются не только консерватизмом религиозных институтов, но и их завершенным социально-политическим оформлением, реально действующими системами сдержек и противовесов для своих последователей.

Так, в рамках православной христианской традиции функции аккумуляции и ретрансляции опыта глубоко укоренились в её первооснове — религиозной общине. В христианской общине возникло Священное Предание, хранение и передача которого осуществляется уже 2000 лет. Священное Предание составляет концептуальную основу деятельности православной церкви, при этом содержательно оно включает в себя не только различные правила и предписания, составляющие существо внутренней религиозной жизни, но и конкретные культурно-поведенческие образцы, распространяемые на внецерковные аспекты жизни её членов. Социально-политическая «зрелость» церкви формировалась в ходе исторического развития её отношений с государством (Kalkandjewa, 2011), в результате которого фактически сложился целый ряд моделей церковно-государственных отношений, например: симфония, теократия, церковь как институт государства. Для настоящего времени характерна модель «новой симфонии», при которой сохраняется принцип светскости государства и одновременно расширяются практики участия церкви в реализации отдельных гражданских функций, при этом церковь не становится институтом публичного права.

Такой обширный исторический опыт позволил Русской православной церкви стать одной из первых общественных организаций, обративших внимание на проблемы общественного развития страны в её новейший период. В частности, с принятием своей социальной доктрины в 2000 г. церковь предлагается рассматривать вопросы социально-экономического и политического развития государства в системном единстве с христианской догматикой и историческими особенностями его становления.

Сегодня Русская православная церковь открыто заявляет о готовности заполнить определенное социальное пространство и стать полноценным партнером государства и других институтов гражданского общества. Практика соработничества для церкви не нова, в ходе исторического становления она фактически была укоренена в православной традиции и модернизировалась в силу политических изменений конца прошлого столетия. Однако, по причине вынужденной отстраненности РПЦ в течение долгого времени от участия в инициативах социально-политического характера некоторые практики её общественного участия сегодня воспринимаются как новые. Так, регулярным стало участие духовных лидеров традиционных для России религий в масштабных общественных событиях страны — инаугурации Пре-

зидента, публичных встречах Правительства, открытиях культурно-исторических памятников и других.

Вместе с тем, действительно инновационными можно считать процессы, связанные с приобретением институтами церкви (как и традиционными политическим институтами, см. Мирошниченко, Морозова, 2016) сетевых качеств и расширением, в этой связи, возможностей влияния религиозных институтов на современное российское общество (Забаев, Пруцкова, 2013). Этому содействуют две группы факторов: структурные преобразования внутри самой церкви, с определенным переносом центра тяжести из плоскости взаимоотношений «церковь — государство» в плоскость «церковь — общество», а также возникающие на уровне приходов РПЦ очаги разнонаправленной социальной активности. Усиливаясь средствами современных информационно-коммуникационных технологий, последние открывают возможности подключения к социальной работе церкви не только православных верующих, но и религиозно индифферентных граждан (в том числе, молодых), представителей других религий, повышая, таким образом, мобилизационный потенциал церкви, возможности её участия в решении вопросов социальной направленности.

Уже с 2010 года в Русской православной церкви были созданы патриаршие советы по культуре, защите семьи, материнства и детства, синодальные отделы по тюремному служению и взаимодействию с казачеством, взаимоотношениям с обществом и СМИ, делам молодежи и др.³ Примерно в тот же период более ясной становится ориентация церкви на открытый диалог с обществом. Основания к укреплению партнерских отношений между обществом и церковью, несомненно, существуют. Конечно, различия в мировоззренческих позициях и мотивации личностного участия в общественных процессах у религиозных и нерелигиозных граждан присутствуют, однако формирование перекрестной ответственности за происходящее в обществе обусловлены тем, что их в равной степени волнуют схожие вопросы общественного развития: социальная справедливость и безопасность, сохранение института семьи, вопросы рождения жизни и ухода из неё и другие. Представляется, что сегодня в российском обществе в целом есть потребность в нравственной оценки происходящих перемен.

По данным ФОМ, 47% населения страны сегодня отмечают положительное влияние церкви на общественную жизнь⁴, по уровню доверия граждан общественным институтам в 2019 церковь занимает второе место⁵, что в целом согласуется с общемировыми тенденциями роста доверия к некоммерческому сектору в целом (Edelman Trust Barometer, 2019).

Организационно-правовую основу взаимодействия государства и церкви сегодня определяют Конституция РФ, Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», Федеральный закон «О некоммерческих организациях». Отдельные вопросы, включая формы, механизмы, области сотрудничества церкви с обществом и государством, раскрываются в социальной концепции РПЦ. Открытость и готов-

³ Внутренняя жизнь и внешняя деятельность Русской Православной Церкви с 2009 года по 2019 год (2019, январь 29). *Официальный сайт Московского Патриархата*. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5359105.html>

⁴ Влияние РПЦ на общественную жизнь, политику, культуру (2019, февраль 27). ФОМ. Режим доступа: <https://fom.ru/Tsennosti/14179>

⁵ Деятельность общественных институтов (2019, март 26). ВЦИОМ. Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov

ность государства и церкви к взаимному сотрудничеству не вызывают серьезных сомнений, это не раз подчеркивалось как главой российского государства⁶, так и предстоятелем церкви⁷.

Вместе с тем, актуальными для церкви, общества и государства остаются задачи светского и научно-богословского осмысления концепции гражданского общества, выработки общих подходов к оценке и методам разрешения актуальных социальных проблем, их соотнесения с православными и светскими культурными ценностями.

Тенденции и перспективы участия Русской православной церкви в общественной жизни современной России

Таким образом, специфика современной деятельности церкви как института гражданского общества может быть раскрыта на двух уровнях:

- институциональном (церковь как негосударственный институт и политическое целое взаимодействует с государством);

- функциональном (религиозные организации как НКО взаимодействуют с государством и с иными институтами гражданского общества по широкому спектру вопросов).

Одним из направлений взаимодействия церкви с обществом и государством на институциональном уровне сегодня являются практики создания специальных консультативных площадок: совещательных органов, координационных, наблюдательных советов. Так, в 2009 году РПЦ был создан постоянно действующий совещательный орган — Межсоборное присутствие. Помимо разрешения вопросов внутрицерковной проблематики его задача состоит в выработке церковью и обществом консолидированных позиций по актуальным вызовам современности. В число экспертов данного института входят как представители церкви (архиереи, монашествующие, клирики), так и широкой общественности. На сегодняшний день Межсоборным присутствием подготовлен целый ряд рамочных документов по вопросам социального служения церкви, работы с молодежью, оценке сложных исторических событий XX столетия. В 2011 г. церковью были уточнены принципы её социальной миссии: административно-организационные основы, виды и формы социальной деятельности, возможности взаимодействия с институтами государства в социальной сфере⁸.

Еще одним механизмом взаимодействия церкви и государства сегодня выступает социальное партнерство. К настоящему времени церковью заключены соглашения о сотрудничестве с профильными министерствами и ведомствами, учреждениями образования и науки, социальной защиты, культуры и спорта. Например, в 2010 г. в РПЦ был образован Синодальный отдел по тюремному служению, его основная цель — помощь лицам, осужденным к лишению свободы и заключенным под стражу. Такая деятельность в первую очередь связана с задачами ресоциализации заключенных, причем как во время срока отбывания наказания, так и по его окончании. В практической плоскости тюремное служение выражается не только в организационном устройстве храмов, часовен, молитвенных комнат на территории организаций

⁶ Путин: государство будет продолжать развивать партнерство с РПЦ (2019, январь 31). ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6064313>

⁷ Определение Поместного Собора Русской православной церкви «О жизни и трудах Русской Православной Церкви» (2019, апрель 01). *Церковь и время*, 46. Режим доступа: <https://mospat.ru/church-and-time/315>

⁸ О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви (2011, февраль 11). *Официальный сайт Московского Патриархата*. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html>

уголовно-исполнительной системы, но и в создании совместных учебных центров для подготовки священнослужителей (тюремных капелланов) и курсантов образовательных учреждений ФСИН, обеспечении комплексных мероприятий, направленных на адаптацию заключенных в гражданском обществе после выхода на свободу.

В отдельном направлении эта работа ведется центрами духовного просвещения в местах лишения свободы и центрами реабилитации и социальной адаптации заключенных, которые работают штатно при храмах и монастырях РПЦ. Православными приходами оказывается гуманитарная помощь заключенным: добровольцы ведут переписку с заключенными, организуются сборы и отправка духовной литературы, теплых вещей. При этом приходские механизмы такой работы, зачастую могут создаваться и функционировать параллельно общецерковным, совместно с общественными организациями, содействуя, таким образом, развитию общецерковного тюремного служения как гражданской функции церкви.

Распространение подобных практик значительно усиливает социальную роль церкви, сегодня во всех странах канонической территории РПЦ действуют около 6500 социальных проектов⁹. Данные проекты охватывают такие направления деятельности, как помощь инвалидам, бездомным, алкоголе- и наркозависимым, помощь женщинам в кризисных ситуациях, помощь пострадавшим при чрезвычайных ситуациях, продовольственная поддержка нуждающихся и др. С развитием возможностей электронного обучения распространяются практики создания бесплатных образовательных онлайн-курсов по вопросам социального служения.

Иллюстрацией деятельности религиозных организаций на функциональном уровне может послужить их работа в составе общественных палат. Например, в Общественную палату Российской Федерации сегодня входят (преимущественно в качестве членов комиссий с правом совещательного голоса) представители епископата, синодальных отделов РПЦ, православных СМИ, образовательных учреждений, благотворительных фондов и т.д. Такое представительство, по нашему мнению, может существенно влиять на обеспечение прав верующих по многим вопросам.

Иное направление функционального участия религиозных организаций в гражданском обществе составляет работа по формированию национальной идентичности, духовного единства современного общества. Формами реализации такой деятельности, как правило, выступают мероприятия культурно-просветительской направленности, организация военно-патриотического воспитания, просветительских, культурно-исторических, образовательных центров, молодежные инициативы, конкурсная и грантовая поддержка церковью социально ориентированных проектов.

Представляется, что появление в наши дни практик ответственной самоорганизации, не основанной на принципах вертикальной подчиненности, обусловлено актуализацией интереса граждан к сущностным аспектам религиозной жизни. В рамках православной традиции встречается множество примеров добровольного принятия на себя людьми дополнительных обязательств во имя общего блага. Инициатива представляет одну из базовых форм мотивации для религиозных общностей, а для системы гражданского общества инициативность и заинтересованность могут рассматриваться как ключевые движущие силы.

⁹ Внутренняя жизнь и внешняя деятельность Русской Православной Церкви с 2009 года по 2019 год (2019, январь 29). *Официальный сайт Московского Патриархата*. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5359105.html>

Примеров такой самоорганизации в современной практике РПЦ и её религиозных организаций достаточно много. Так, православная служба помощи «Милосердие» в настоящее время реализует 26 социальных проектов¹⁰, среди них: патронажная служба помощи на дому (один из немногих бесплатных проектов, оказывающих помощь людям, требующим многочасового или круглосуточно ухода), «Ангар спасения» (низкопороговый центр помощи бездомным), кризисный центр «Дом для мамы» (центр предназначен для беременных женщин, оказавшихся, в силу различных обстоятельств на улице) и др.

Автору данной статьи известно немало примеров, в том числе из практики неглубоко религиозных граждан, для которых опыт волонтерской деятельности в подобных организациях послужил стимулом к выходу из личных кризисных ситуаций. Кроме того, благодаря информационному освещению социальной деятельности, расширению практик сетевой организации все в большем количестве приходов РПЦ появляются возможности удовлетворить не только сугубо религиозные, но и насущные социальные нужды. Фактически, рядовые приходы сегодня становятся пусть и не масштабными, но эффективными центрами широкой социальной активности (Лункин, 2018), такая «прицельная» работа, по нашему мнению, является чрезвычайно ценной в силу своей глубинной человечности и подлинности, а значит и высокой востребованности. Так, в ряде храмов г. Москвы сегодня многодетные матери имеют возможность получить помощь по уходу за детьми, одинокие и пожилые люди удовлетворить те или иные бытовые потребности.

Наряду с этим следует отметить, что не артикулированной остается позиция церкви в отношении её взаимодействия с иными институтами гражданского общества, востребованность которого существенно возрастает в условиях коммодизации идей патриотизма, традиционных ценностей и национального самосознания. Ориентация Русской православной церкви на взаимодействие с институтами государственной власти представляется важным направлением церковно-государственных отношений, но вместе с тем видится необходимость дальнейшего расширения практик её общественного участия как института гражданского общества на функциональном уровне.

Укрепление взаимодействия государства с Русской православной церковью, иными традиционными для нашей страны религиозными организациями может способствовать формированию развитой системы гражданского общества, содействовать расширению институциональных связей и усилению сплоченности членов активных сообществ.

По словам Президента Российской Федерации, любые преобразования в стране должны быть направлены на обеспечение интересов граждан, строиться вокруг и для людей, «идти рука об руку с развитием самого общества, с повышением зрелости самого государства»¹¹. Достижение такой зрелости, обеспечивается в процессе «вызревания» его членов и их сообществ, по мере сближения их внутренних мотиваций и ценностных ориентиров. Принципиально важной в современных условиях представляется задача нахождения сочетания рыночных преобразований, развития политической демократии (включая её правовую и социальную компоненты) и гражданского общества с историческими традициями российской государственности.

¹⁰ Проекты и программы (2019, апрель 01). Православная служба помощи «Милосердие». Режим доступа: <https://miloserdie.help/projects/>

¹¹ Стенограмма заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека (2018, Декабрь 11). Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/59374>

Удовлетворительным и потенциально востребованным в этом контексте мы считаем опыт деятельности Русской православной церкви и её институтов в социальной сфере.

Безусловно, только ресурсов гражданского общества, его отдельных институтов недостаточно для решения широкого спектра социальных проблем, тем не менее, включение этих составляющих в современный общественно-политический процесс может внести весомый вклад в упрочение социальной стабильности.

На сегодняшний день религиозные организации могут выступать одними из ключевых акторов ответственного развития, принимать участие в формировании соответствующей повестки (см. Семененко, 2019) и задавать определенную тональность социальных изменений. Как нам представляется, включение религиозных организаций в эти процессы может способствовать укреплению горизонтальных социальных связей, развитию культуры диалога между различными представителями современного российского общества, нивелировать известные противоречия между светским и религиозным взглядом на мир. Диверсифицированная общественная деятельность церкви привлекает многих светских граждан, в значительной степени меняя как формы её взаимодействия с обществом, так и само общество.

Осмысление места и роли религиозных организаций в процессе социальных трансформаций современного общества, возможностей использования их созидательного потенциала — актуальная научная задача, решение которой может быть востребовано в практической политике. Полагаем, что усиление социальной активности религиозных организаций может способствовать не только укреплению и развитию российского гражданского общества, но и сохранению российской национальной идентичности и укреплению социального мира.

Библиографический список

- Забаев, И., Пруцкова, Е. (2013). Социальная сеть православной приходской общины: возможности применения анализа социальных сетей в социологии религии. *Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета (ПСТГУ)*. 4(48), 120–136.
- Зигерт, Й. (2005). Гражданское общество в России. *Отечественные записки*, 6(27). Режим доступа <http://www.strana-oz.ru/2005/6/grazhdanskoe-obshchestvo-v-rossii>
- Иванова, Т. Ю. (2000). Политическая культура населения как условие существования гражданского общества. В И. А. Бутенко *Перспективы самоуправления и самоорганизации в России*. Москва: Московский общественный научный фонд.
- Лункин, Р. Н. (2018). Русское православие перед лицом социальных вызовов: волонтерство и христианская реабилитация групп риска. *Вестник Пермского университета*. Политология, 2, 156–171.
- Мирошниченко, И. В., Морозова Е. В. (2016). Трансформация политических институтов в пространстве сетевого фронта. *PolitBook*, 3, 36–49.
- Мчедлова, М. М. (2010). Изменение объяснительных моделей политики: включение религиозных референтов. *Вестник Московского Университета. Сер. 12. Политические науки*, 6, 59–70.
- Мчедлова, М. М. (2012). Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы, *Вестник Института Социологии*, 4, 10–24.
- Садовая, Е. С., Сауткина, В. А. (2017). Социальная реальность и социальный идеал в контексте трансформации идентичности. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 114–126). М.: Изд-во «Весь Мир».

- Семененко, И. С. (2019). Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению. *Полис. Политические исследования*, 3, 7–26. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>
- Ситников, А. В. (2011). Церковь и гражданское общество. *Церковь и время*, 2(55), 24–37.
- Чернега, К. (2018). О формах и правилах господдержки НКО, относящихся к религиозным организациям. *Журнал Московской Патриархии*, 7, 69–71.
- Berger, J. (2003). Religious Nongovernmental Organizations: An Exploratory Analysis. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 14, 15–39. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1022988804887>.
- Cladis, M. (2017). Solidarity, Religion, and the Environment: Challenges and Promises in the 21st Century. *Changing Societies & Personalities*, 1, 353–372. DOI: <https://doi.org/10.15826/csp.2017.1.4.023>.
- Clarke, G. (2006). Faith Matters: Faith-Based Organizations, Civil Society and International Development. *Journal of International Development*, 18, 835–848. DOI: <https://doi.org/10.1002/jid.1317>.
- Cnaan, R., Zrinščak, S., Grönlund, H., et al. (2016). Volunteering in Religious Congregations and Faith-Based Associations. In *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. Palgrave Macmillan, London.
- Crisp, B. R. (2014). *Social Work and Faith-based Organizations*. London: Routledge.
- Edelman Trust Barometer (2019). *Executive summary. The 19th Annual Trust and Credibility Survey*. Retrieved from https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-02/2019_Edelman_Trust_Barometer_Executive_Summary.pdf
- Herbert, D. (2003). *Religion and Civil Society: Rethinking Public Religion in the Contemporary World*. Ashgate Religion Culture and Society. England: Ashgate Religion, Culture & Society Series.
- Kalkandjieva, D. (2011). A Comparative Analysis on Church-State Relations in Eastern Orthodoxy: Concepts, Models and Principles. *Journal of Church and State*, 53, 587–614.
- Norris, P., Inglehart, R. (2004). *Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Robertson, R. & Chirico, J. (1985). Humanity, Globalization, and Worldwide Religious Resurgence: A Theoretical Exploration. *Sociological Analysis*, 46, 219–242. DOI: 10.2307/3710691
- Williams, R. & Berger, P. (2001). The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. *Sociology of Religion*, 62. DOI: 10.2307/3712234

Статья поступила в редакцию 27.06.2019

Статья принята к публикации 16.11.2019

Для цитирования: Зенков А.Р. Деятельность Русской православной церкви в социальной сфере: институты и социальные практики. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 4. С. 63–73.

THE ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE SOCIAL SPHERE: INSTITUTIONS AND SOCIAL PRACTICES

A.R. Zenkov

Alexey R. Zenkov, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia.
E-mail: zenkov@imemo.ru. ODCID 0000-0002-7622-5164

Abstract. In the article, the author, reflecting on the directions and nature of modern social transformations, draws attention to the growing problems of social order and the need to find tools to solve them. In this regard, it seems justified to address the potential of civil society institutions, which, according to the author, can become full subjects of social policy, have the

necessary capabilities to solve many pressing social problems, are a promising resource for socio-political stabilization of modern society. The research perspective is the study of the practices of social work of religious organizations as civil society institutions on the example of the Russian Orthodox Church. The validity of the approach is explained by the possibility of the Church to fill those niches of social space where the participation of the state and (or) other civil society institutions does not fully ensure the achievement of the desired social results.

The study of the phenomenon of "civil society" revealed its complexity and versatility, studied the conditions and factors of strengthening the partnership between the state and the Church in modern Russia. The conclusion is made about a certain reorientation of the ROC from the paradigm of interaction "Church-state" (with preservation and multiplication of practices of institutional interaction) to the paradigm "Church-society" (with the development of practices of functional interaction, the implementation of social or civil functions of the Church), which is proved by the analysis of the activities of the Russian Orthodox Church in the social sphere.

In conclusion, the author underlines the importance of the further understanding of the place and role of religious organizations in the process of social transformations of modern society, finding greater opportunities for their participation in the search for answers to current social challenges. It is concluded that the Church institutions are in demand in the social sphere, their importance both for the development of Russian civil society and for the preservation of Russian national identity and strengthening of social peace.

Key words: civil society, church, authority, socio-political transformations, social work

DOI: 10.31429/26190567-20-4-63-73

References

- Berger, J. (2003). Religious Nongovernmental Organizations: An Exploratory Analysis. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 14, 15–39. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1022988804887>.
- Chernega, K. (2018). O formakh i pravilakh gospodderzhki NKO otnosiashchikhsia k religioznym organizatsiiam [On the Forms and Rules of Government Support for Socially-Oriented Religious NGOs]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [The Journal of the Moscow Patriarchate], 7, 69–71.
- Cladis, M. (2017). Solidarity, Religion, and the Environment: Challenges and Promises in the 21st Century. *Changing Societies & Personalities*, 1, 353–372. DOI: <https://doi.org/10.15826/csp.2017.1.4.023>.
- Clarke, G. (2006). Faith Matters: Faith-Based Organizations, Civil Society and International Development. *Journal of International Development*, 18, 835–848. DOI: <https://doi.org/10.1002/jid.1317>.
- Cnaan, R., Zrinščak, S., Grönlund, H. et al. (2016). Volunteering in Religious Congregations and Faith-Based Associations. In *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. Palgrave Macmillan, London.
- Crisp, B. R. (2014). *Social Work and Faith-based Organizations*. London: Routledge.
- Edelman Trust Barometer (2019). *Executive summary. The 19th Annual Trust and Credibility Survey*. Retrieved from https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-02/2019_Edelman_Trust_Barometer_Executive_Summary.pdf
- Herbert, D. (2003). *Religion and Civil Society: Rethinking Public Religion in the Contemporary World*. Ashgate Religion Culture and Society. England: Ashgate Religion, Culture & Society Series.
- Ivanova, T. Yu. (2000). Politicheskaja kul'tura naseleniia kak uslovie sushchestvovaniia grazhdanskogo obshchestva [Political Culture of the Population as Condition for the Existence of Civil Society]. In I. A. Butenko *Perspektivy samoupravleniia i samoorganizatsii v Rossii* [Perspectives of Self-government and Self-organization in Russia]. Moskva: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond.
- Kalkandjieva, D. (2011). A Comparative Analysis on Church-State Relations in Eastern Orthodoxy: Concepts, Models and Principles. *Journal of Church and State*, 53, 587–614.

- Lunkin, R. N. (2018). Russkoe pravoslavie pered litsom sotsialnykh vyzovov volonterstvo i khristianskaia reabilitatsiia grupp riska [Russian Orthodoxy Facing Social Challenges: Volunteering and Christian Rehabilitation of Risk Groups]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2, 156–171.
- Mchedlova, M. M. (2012). Sovremennye parametry vozvrashcheniia religii rakursy problemy [Modern Parameters of the Return of Religion: Foreshortenings of the Problem]. *Vestnik Instituta Sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 4, 10–24.
- Mchedlova, M. M. (2010). Izmenenie obieiasnitelnykh modelei politiki vkluchenie religioznykh referentov [Revision of Gnoseological Models of Politics: The Inclusion of Religious Referents]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 6, 59–70.
- Miroshnichenko, I. V., Morozova, E. V. (2016). Transformatsiia politicheskikh institutov v prostranstve setevogo frontira [Transformation of Political Institutions in Network Frontir's Space]. *PolitBook* [PolitBook], 3, 36–49.
- Norris, P., Inglehart, R. (2004). *Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Robertson, R. & Chirico, J. (1985). Humanity, Globalization, and Worldwide Religious Resurgence: A Theoretical Exploration. *Sociological Analysis*, 46, 219–242. DOI: 10.2307/3710691
- Sadovaya E. S., Sautkina V. A. (2017). Sotsial'naia realnost' i sotsial'nyi ideal v kontekste transformatsii identichnosti [Social Reality and Social Ideal in Context of Identity Transformation]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition] (pp. 114–126). M.: Ves' Mir.
- Semenenko, I. S. (2019). Gorizonty otvetstvennogo razvitiia ot nauchnogo diskursa k politicheskomu upravleniiu [Horizons of Responsible Development: from Discourse to Governance]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies], 3, 7–26. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>
- Sitnikov A. V. (2011). Tserkov' i grazhdanskoe obshchestvo [Church and Civil Society]. *Tserkov' i vremia* [Church and Time], 2(55), 24–37.
- Williams, R. & Berger, P. (2001). The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. *Sociology of Religion*, 62. DOI: 10.2307/3712234
- Zabaev, I., Pruckova, E. (2013). Sotsialnaia set' pravoslavnoi prikhodskoi obshchiny vozmozhnosti primeneniia analiza sotsialnykh setei v sotsiologii religii [The Social Network of the Orthodox Parish Community: Possibilities for Applying the Analysis of Social Networks to the Sociology of Religion]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gosudarstvennogo universiteta (PSTGU)* [St. Tikhon's University Review]. 4(48), 120–136.
- Zigert, I. (2005). Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii [Civil society in Russia]. *Otechestvennye zapiski* [Annals of the Fatherland], 6(27). Retrieved from <http://www.strana-oz.ru/2005/6/grazhdanskoe-obshchestvo-v-rossii>

Received 27.06.2019

Accepted 16.11.2019

For citation: Zenkov A.R. The Activity of the Russian Orthodox Church in The Social Sphere: Institutions and Social Practices.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 4. Pp. 63–73.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).